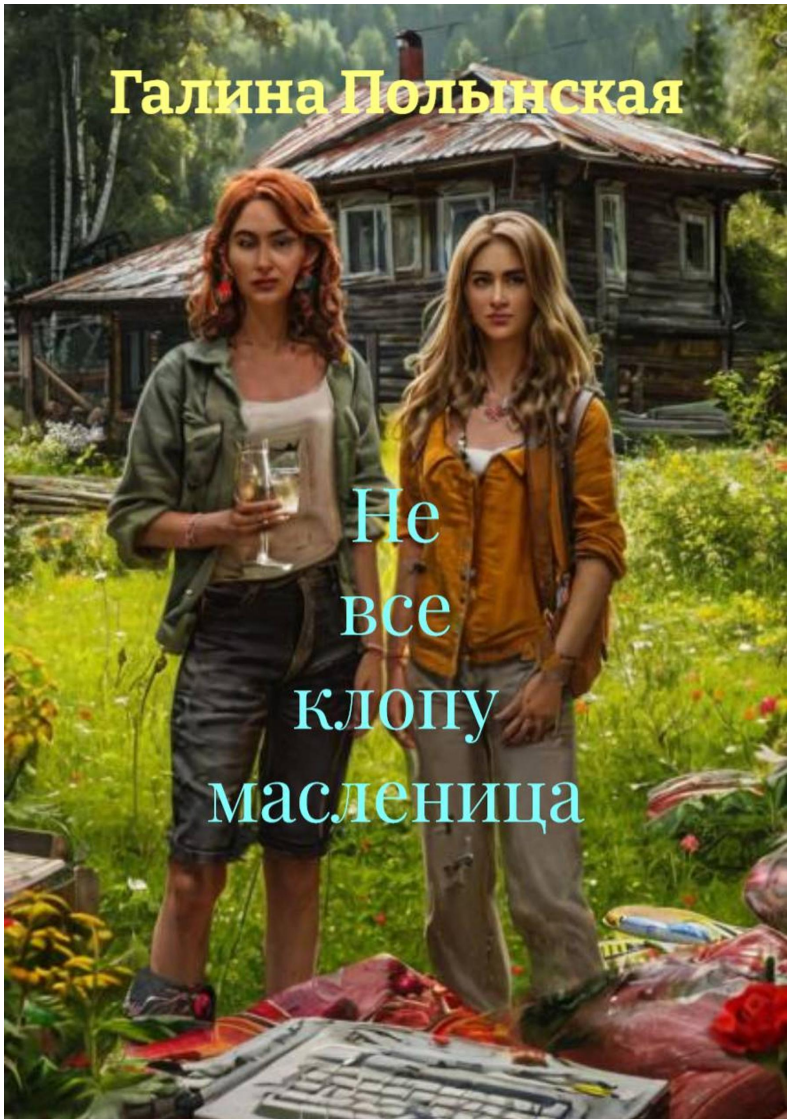

Галина Польнская

Не
все
клопу
масленица

Галина Полынская
Не все клопу масленица
Серия «Иронический
детектив. Сена и Тая», книга 4

*<https://litres.ru/61764367>
SelfPub; 2020*

Аннотация

Закадычные подружки Сена и Тая, большие любительницы шампанского и приключений, получили задание от детектива Горбачева найти некую Иру Колесникову. По словам ее друга, она попала в секту, которая базируется в районе поселка Подосинки. Там решительные девицы сняли дачу-развалюху и под видом писательниц с четырьмя баулами и допотопной печатной машинкой поселились в ней. Приложив титанические усилия, подружки проникли в секту и стали жить там под видом вновь обращенных. Они сразу поняли, что дело тут не чисто. Члены секты напоминали зомби, а тела девушек были покрыты свежими шрамами. Сена и Тая сняли все на пленку, пора было сваливать по-тихому. Однако подруг разоблачили и повязали - не ровен час, их отправят в мир иной без суда и следствия!

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	12
Глава третья	20
Глава четвертая	28
Глава пятая	38
Глава шестая	50
Глава седьмая	63
Глава восьмая	75
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Глава первая

Лета в этом году в Москве вообще не было. Факт крайне не прискорбный, учитывая климатические условия средней полосы: зима, как правило, начинается с октября и заканчивается ближе к маю. Теплые летние месяцы кажутся такими коротенькими, что пролетают стремительно, незаметно, и опять слякоть, холодрыга, гололед, сугробы, красный нос, сопли и все остальные прелести знаменитой русской зимы. За это время народ так устает от бесконечногао снега, ветра, травм-пунктов и больниц, что лето ожидают, как некое величайшее событие. И вот, оно в очередной раз настало... плюс 10–15 по Цельсию – потолок. И Москва почувствовала себя обманутой. Все лето, все три месяца мерзкой погоды, народом обсуждалось только одно: мерзкая погода.

Когда август стал подходить к финалу, а просвета все не наблюдалось, принялись строить предположения на тему «будет ли бабье лето или сразу заморозки»? И в конце сентября наконец-то «включили» немного тепла, вылезло солнышко, народ обрадовался, кто-то ринулся в лес за грибами, кто-то жарить шашлыки, наверстывая упущенное, а остальные продолжали сидеть на работе днем и дома вечером.

Я относилась к последней, самой унылой части народонаселения. С девяти до шести я была вынуждена торчать в редакции нашей желтушной газетенки «Непознанный мир»,

с незапамятных времен прозванной сотрудниками «Неопознанный труп», и строчить вымышленные «сенсационные репортажи». Это занятие порою доводило меня до бешенства, но как-то я уже привыкла к этой газетке, как-то уже смирилась, что буду трудиться на ниве отчаянного вранья всю жизнь, состарюсь тут и умру прямо за своим столом. Единственным ярким пятном за время своей, так называемой, писательской деятельности, я могла бы назвать журналистское расследование, которое вместе с моей незаменимой подругой Таисией Ливановой, мы провернули не так давно, раскрыв всю преступную подноготную модельного агентства «Bella Donna».

К сожалению, ни блестящее расследование, ни грандиозный репортаж, тиснутый на первую полосу и наделавший много шума, не смогли изменить отношения главного редактора Конякина С. С. к моей персоне. Он даже не подумал сделать меня своим заместителем или хотя бы прибавить зарплату, я по-прежнему являлась для него третьесортным рабом из журналистской каменоломни. Единственное что изменилось (да и то в худшую сторону), так это то, что «Непознанный мир» еще больше отошел от своего прямого направления – аномальные явления, НЛО и прочая чепушень, и сделался практически целиком криминальным. Это было ужасно. Если о привидениях и предсказателях я еще хоть что-то могла насочинять, то что я могла набредить про убийства? То и дело угрожая Конякину увольнением, я из

последних сил держалась за третью полосу, все еще отданную аномальностям. Нет, ну все-таки какие же люди злые зверюги... Ведь только благодаря моему репортажу об агентстве «Bella Donna», к нашей вонючей газете было привлечено внимание всего мегаполиса! Ведущие столичные издания платили нам за возможность перепечатки материала, нами заинтересовались рекламодатели посерьезнее шарлатанских колдунов, магов и сутенеров со своим «Досугом с выездом на дом». Редакция смогла приобрести компьютеры для всех сотрудников и даже – подумать только! – новый для меня, купили оборудования, без которого, в принципе не должна существовать более-менее пристойная газета (а мы, каким-то образом, умудрились), даже смогли позволить изданию бумагу чуть получше прежней туалетной. Да что тут говорить, наш «Неопознанный труп» ожил, расцвел на глазах, а все благодаря кому? Нет, кому, я вас спрашиваю? Кто-нибудь мне спасибо сказал? К зарплате хоть сто рублей прибавил? Ага, сейчас прямо, разбежались, споткнулись, упали...

Обо всем этом я размышляла, глядя как за наглухо задраненным кабинетным окном золотиться бабье лето. Работать не хотелось. Хотелось на волю, на природу, к людям. Ни на шашлыки, ни за грибами вырваться так и не получилось и навряд ли уже получится. Всю неделю сходишь с ума от духоты и глупых статей в редакции, и к концу недели уже ничего не хочется: спишь до обеда, да киснешь в ванной, вот и все радости жизни...

Только я начала было впадать в депрессию, как над ухом раздался драконий глас начальства. Говорить спокойно Конякин не умел, он постоянно вскрикивал, взвизгивал и вопил. Звук его голоса действовал на манер бормашины старого образца. И вот, как только я услышала:

– Так, Сена!!

У меня мгновенно заныли все зубы и зашатались пломбы.

– Да? – я нехотя оторвала взгляд от желто-рыжих верхушек деревьев и перевела на своё бешеное, ни минуты не стоящее на месте начальство.

– Почему не работаешь?!

– Работаю, – я кивнула на монитор. На чистом белом компьютерном «листе» красовалось название статьи: «Сенсация! Тараканы – оборотни!» Название было выделено и жирным, и курсивом, и подчеркнуто...

– Что это такое? – Конякин прищурился, потом полез в карман за очками. В очках он напоминал какую-то хищную птицу средних размеров, за исключительную склочность нрава изгнанную соплеменниками из стаи.

– Название статьи, – вяло ответила я, заранее готовясь к унижительной пятиминутке.

Весь наш доблестный коллектив приостановил свою кипучую деятельность, желая насладиться расправой, сочувствовал мне один лишь Влад – не только мой коллега по несчастью, но и старый добрый друг, и бывший бойфренд Таиски.

– А где статья? – С. С. демонстративно взглянул на свои

наручные часы размером со старый будильник «Слава».

– Я ее обдумываю...

– Сена!!

Черт, никак не могу привыкнуть к его манере вскрикивать! Все время непроизвольно вздрагиваю!

– Как ты себе представляешь тараканов-оборотней?!

– А вы как?

Может, получится с ним подружиться? Может он только со виду такой отвратный, а внутри на человека похож? Может, у него душа, как цветок? Ведь ходили же слухи, что он трижды разведен, значит, трижды женился? И его кто-то любил, и он кого-то...

– Ты что, не можешь придумать что-нибудь поумнее?! Что-нибудь хоть отдаленно похожее на правду, а не на белую горячку?!

Нет, врут, скорее всего, сплетни, не был он трижды женат, а если и был, то на каких-нибудь ужасных скалапендрах... сын людоедки и оборотня...

– Придумала! – обрадовалась я, быстренько убрала название статьи и настучала новое: «Сын оборотня».

– А чего все оборотни, да оборотни? – не желал отставать осиновым колом недобитый персонаж.

– Оборотни в этом сезоне очень актуальны, вон, можете у Влада спросить.

Это, конечно, подло перенаправлять конякинское внимание на приятеля, но больше поддержки ждать было неоткуда.

– Да, да, да! – отозвался Владик. – Оборотни это – тема!

Хоть на этом спасибо. Конякин снова распахнул, было, пасть, но тут, к счастью, на его столе зазвонил телефон. Раньше, при старом начальстве, у нас было три телефонных аппарата, один стоял у меня, второй у выпускающей редакторши Тины Олеговны, третий непосредственно у шефа. Конякин отобрал у нас телефоны, оставив только один у себя, таким образом, он перекрыл нам последний кислород – возможность часок другой поболтать с друзьями и близкими.

– Да?! – рявкнул С. С. в трубку. – Кого?! У нас такая не работает!

Но через минуту телефон зазвонил снова.

– Да?! Я же сказал, никакая Ксения Зорина у нас не работает!!

– Это же я! Это меня спрашивают! – вскочила моя персона.

Надо признаться, что историю своего имени мне уже порядком поднадоело рассказывать. Дело в том, что мои родители познакомились в турпоездке в Париж и решили блеснуть оригинальностью, назвав свое чадо в честь знаменитой реки Сены. Когда меня регистрировали, тетки в Загсе наотрез отказались вносить это имя в свидетельство, пришлось записать меня Ксенией. Свое паспортное имя терпеть не могу, потому что я Сена, только Сена и никто, кроме Сены. Кстати сказать, вообще редко кто знает, что на самом деле зовут меня Ксенией...

– А кто ее спрашивает?! Кто? Из милиции? – орал тем временем Конякин.

Сердце похолодело от нехорошего предчувствия, и я замерла на полпути к конякинскому столу. Весь коллектив поднял головы и уставился на меня, шевеля ушами от внимания. Конякин молча протянул мне трубку и даже не подумал в сторонку отойти, так и застыл, сверля меня своими белесыми глазами.

– Алё? – тихонько скрипнула я в предчувствии ужасного.

– Сена, не пугайся это я, – раздался голос единственной и неповторимой подруги Таи, – пришлось прибегнуть к такой мере, ваш псих никогда тебя не зовет к телефону.

– Да, да, я вас слушаю...

Ох, как же я перетрусила, будто совершила семь убийств... Странно все-таки на человеческое сознание действует слово «милиция».

– Ах, Сеночка, у меня такое горе случилось, такое горе!

– Какое? – перепугалась я еще больше. – Да, да, товарищ капитан...

– Это чудище что, рядом?

– Да, да, слушаю внимательно. Вы можете сказать, какое преступление?

– Сена, меня продали! – завывла подруга. – Продали с потрохами!

– Ты где сейчас... товарищ капитан?

– В кафе «Констанция», помнишь, рядом с твоей редак-

цией? К вам уж я не пошла, решила так тебя выманить, ты сможешь сейчас придти?

Я украдкой посмотрела на Конякина и тяжело вздохнула.

– Сделаю все возможное, товарищ капитан.

– Служу Советскому Союзу, – печально всхлипнула Тая и нажала на отбой.

С озабоченным видом я повесила трубку.

– Что там еще такое? – мгновенно напал на меня С. С.

– Пока что я не могу ничего сказать, – важно ответила я, и нагло двинула к своему столу. – Просили подъехать немедленно, кажется, что-то важное.

Пока Конякин не успел опомниться, я смахнула со стола все важные предметы в сумку и, не выключая компьютера, наладилась на выход.

– Если не вернешься через два часа, вычту из твоей зарплаты триста рублей!

Но даже эта пуля в спину не смогла меня остановить.

Глава вторая

Пока я неслась к кафе «Констанция», буйная фантазия успела нарисовать всевозможные ужасы. «Продали? Кто? Куда? Когда? – крутилось в голове. – С потрохами? Это как? В прямом или переносном смысле? Если в прямом – органы что ли? Она что, почку продала? Ей что, срочно требовалась большая сумма? А зачем? Ее шантажируют? Тайка кому-то задолжала? Она тайком играет в казино?.. Боже мой, я ничего не знаю о собственной подруге!»

Распахнув дверь маленького, похожего на раскрашенный гараж кафе, я поискала взглядом Таю. Она сидела за столиком в углу и уплетала куриную ногу с жареной картошкой, на столе так же красовалась литровая кружка пива. Неужели ей все это можно после операции? Все-таки удаление почки как-никак... Подруга была так поглощена своим занятием, что заметила меня только когда я вплотную подошла к столу.

– Ой, Шеночка, – с набитым ртом произнесла Тая, – хорофо, фто ты прифла!

– Что случилось? – я присела напротив и вытащила из сумки пачку сигарет. – Что стряслось?

– Ты не представляешь, – протолкнув добрым глотком пива все, что было во рту, Тайка вздохнула и посмотрела куда-то вдаль. – Такое горе, такое горе...

– Говори скорее!

Я закурила и отхлебнула из ее кружки.

– Сена, наш банк перепродали! – выпалила Тайка с таким надрывом, что даже сонный бармен за стойкой вздрогнул. – Все, это конец! Нас всех попрут с работы! Считай, уже поперли! Всему нашему отделу уже сказали в понедельник за расчетом приходить! Сама понимаешь, новая метла по-своему метет, начальство своих теперь ставить будет! Пять лет жизни отдала этому банку гадючьему...

Я с бессильной злостью смотрела на подругу сквозь клубы сигаретного дыма. Пожалуй, продать ее на органы действительно стоящая мысль.

– Сена, ты почему ни фига меня не слушаешь?

– Как тебе сказать, милый друг, – процедила я, – так чтобы тебя не обидеть...

Таюха возмущенно уставилась на меня круглыми шоколадными глазами.

– Нет, Сена, – хлопнула она ладонью по столу, и бармен опять вздрогнул, – я тебя решительно не понимаю! У меня трагедия, а ты...

Я вылезла из-за стола и направилась к нервному бармену чего-нибудь купить. Денег впритык хватило на маленькую кружечку пива. Нет, ну за что мне это всё? Такая работа, такая газета, такой начальник, такая подруга? Какие нервы надо иметь с такой вот жизнью? Что ж, минус триста из зарплаты...

Вернувшись, я поставила свой пивной наперсточек на сто-

лик. Разобиженная, униженная и оскорбленная Тая дожира-
ла свою куру с картоплей, допивая пиво из ведерной кружи-
щи. Прямо картина скорби мировой, что ни говори. Я выта-
щила из ее пачки сигарету, и Тая мгновенно подняла на ме-
ня взгляд.

– И нечего курить мои сигареты! Я скоро ничего не могу
себе купить дороже «Явы»! Не в состоянии горе мое выслу-
шать, посочувствовать, помочь хотя бы словом, а все туда
же! Сигареты мои только и знаешь что цопать!

Я выпила свой наперсток пивной в два глотка, аккуратно
затушила едва начатую сигарету в пепельнице и сунула ее
обратно в пачку.

– Ой, ну только не надо вот это вредничать, да? Кури, чего
уж там!

– Спасибо, барыня, расхотелось, – вздохнула я, подпирая
щеку ладонью.

Тайка исподлобья смотрела на меня.

– Тая, – обреченно вздохнула я, – что я-то могу для тебя
сделать?

– Придумай что-нибудь! – возмутилась она. – Ты что, не
понимаешь, в каком я шоке?

– Таюш, что такого шокового, в самом деле? Ты эконо-
мист с опытом работы в довольно крупном московском бан-
ке, неужто ты работу себе не найдешь?

– Ой, ну конечно! Прямо так выйду и найду! Думаешь, это
все так просто? Везде все повязано, кругом все свои сидят!

Хоть я и знала, что любое мое предложение будет с негодованием отвергнуто, но Таисья Михайловна сверлила меня пытливыми карими очами, ждала продолжения, и я продолжила:

– Могу поговорить с Конякиным, чтобы взял тебя к нам в газету.

– Кем, полотером?

– Мало ли, мы сейчас расширяемся, вдруг понадобятся специалисты по финансам.

– В вашу вонючку за три копейки? Спешу и падаю!

Тяжелым взором смотрела я в ее тарелку с тщательно обглоданными куриными костями. Что за день сегодня такой паршивенький выдался?

– Тогда последнее предложение.

– Да? Почему последнее?

– Потому. Пока последнее.

– Ладно, давай и знай, я ценю твои усилия, ты хотя бы попыталась.

– Ага, – кивнула я, – так вот, давай продадим твою почку.

– Чего? – она прекратила брезгливо вытаскивать мой окурок из сигаретной пачки, и подняла взгляд.

– С работы тебя уволили, источник дохода перекрыт, нигде ты больше никогда и ни за что не найдешь себе места под солнцем, ты обречена курить «Яву» под забором, так отчего же не продать что-нибудь лишнее вроде почки? Купишь квартиру с видом на Кремль и заживешь королевишной. Это

тебя устраивает? Ладно, – я посмотрела на часы, – мне пора на работу.

– Сена! Какая работа! Я в беде!

– Я тоже, представь себе. Если я не вернусь через полчаса, Конякин вычтет три сотни из моей зарплаты.

Тая выхватила из сумочки кошелек, из кошелька три купюры и швырнула на стол.

– А это, случайно, не последние в твоей жизни стольники? – округлила я глаза. – Смотри, вдруг ты такие бумажки больше не увидишь.

– Сена, не уходи! – взывала будущая нищенка. – Я тебе пятьсот рублей дам, только не уходи!

– Меня так задешево не купишь, – вздохнула я, усаживаясь обратно. – Иди, бери пива, да можешь мне такой же курицы с картошкой прихватить, а я пока что-нибудь да придумаю.

Подруга прыснула к стойке со скоростью спринтера. Раздумывая над судьбами мира, я курила, глядя в мутноватое окошечко кафе, ожидая озарения...

– Вот! – перед моим носом оказалась тарелка с душераздирающе вкусно пахнущей едой. – И еще вот!

Рядом бухнулась кружка пива.

– Придумала что-нибудь?

– Слушай, пока ты ищешь работу, тебе будут нужны деньги, так?

– Так, так, так... – Тайка присела и вперила в меня ужасно

внимательные очи.

– Ты можешь сдать свою квартиру и пока пожить у меня. Квартира твоя в хорошем районе, рядом с метро, телефон, сортир, всё такое, долларов четыреста можешь иметь в месяц легко.

Ни одни голливудские спецэффекты не смогла бы добиться такого мгновенного преобразования человеческого лица и вспышки такого света в коричневых глазах.

– Сена, ты гений! Как же я раньше не догадалась! Да я совсем её продам! Как ты думаешь, тыщ сто выручу? Тогда я смогу вообще никогда не работать!

– А где ты жить-то будешь, счастье мое?

– Как это где? У тебя, разумеется!

Пожалуй, я свой язык тоже продам на органы. Интересно, кому-нибудь нужен запасной язык?

В тот момент в Таискиной сумочке зазвонил мобильник.

Кстати о мобильных... Человек, нанявший нас расследовать дело модельного агентства «Bella Donna», не особо стеснялся в средствах на пути к справедливости. От этого плодотворного сотрудничества нам достался вполне приличный гонорар, эти вот мобильные телефоны и порядком истрепанная нервная система. Свой аппаратик Тая умудрялась временами подкармливать деньгами, а мой так и лежал дома на почетном месте, дожидаясь лучших времен.

– Алё? – важно произнесла Тая. – Кто говорит? А, Михаил Сергеевич, драстуйте.

Кстати о Михаиле Сергеевиче... Он тоже имеет непосредственное отношение к растреклятому делу о модельном агентстве. Он даже неплохо пострадал в самом финале расследования... Нет, ну скажите, люди добрые, разве ж мы могли знать, что человек, преследовавший нас, не убийца, а детектив, желавший, напротив, нам же и помочь? В результате, этот во всех отношениях достойный дяденька, полный тезка бывшего генсека СССР, как следует получил от меня по голове молотком и отвалился в больнице с сотрясением мозга, не утратив при этом к нам самых лучших дружеских чувств. Даже предложил нам сотрудничество со своим детективным агентством «Фараон». Прямо странно, честное слово.

– Да, Михаил Сергеевич, в принципе свободны, можем подъехать. Ага... ага, без проблем, диктуйте адрес.... Угу, метро «Цветной бульвар»...

Я не без интереса смотрела на Таю. Закончив переговоры, она элегантно взмахнула ресницами.

– Ну?

– Горбачев попросил, чтобы мы приехали в агентство.

– Зачем?

– Не знаю, он сказал, что это может быть интересно.

– Кстати, Горбачев же предлагал нам работу в «Фараоне», отчего бы тебе, сироте безработной туда не устроиться?

– Расследовать преступления? С моими-то разболтанными нервами? Сейчас прямо, все брошу и пойду.

– Так зачем же мы едем сейчас к Горбачеву?

– Ты, Сена, прямо недалекая какая-то, в самом деле. Михаил Сергеевич сказал же, что это может быть интересно. Ты вообще ничего, что ли не понимаешь? Интересно! Он позволил нам! Именно нам! Это может быть новый сенсационный репортаж для твоей газеты и деньги для наших маленьких женских радостей. Всё, вставай, поехали!

– Можно мне хотя бы поесть?

– Потом доешь! Бегом, бегом, нас уже ждут!

Глава третья

В детективное агентство мы попали к вечеру, прямо перед самым закрытием и всё потому, что Таисия битых два часа нарезала круги вокруг нужного нам здания, уверяя, что она все прекрасно поняла, и буквально через минуту мы окажемся на месте. В конце концов, мое терпение с грохотом лопнуло, и я спросила у проходившего мимо дядечки, где же находится этот проклятый дом номер 89? Дядечка ткнул пальцем в здание прямо перед нашими носами и мы, наконец-то, обрели счастье. Поднявшись на второй этаж, мы без труда отыскали дверь с табличкой «Детективное агентство «Фараон»». Постучавшись, Таиска приоткрыла дверь и просунула внутрь свой курносый любопытный нос.

– Входите, девочки, – раздался голос Горбачева.

Михаил Сергеевич сидел за столом, заваленным бумагами, еще в большом просторном помещении находилось четыре таких же стола с компьютерами. Обычный офис, тоже мне, детективное агентство. Где камин, где трубка, где, на худой конец, шапка в клетку?

– Присаживайтесь, пожалуйста. Жаль, ни с кем вас сегодня не смогу познакомить, все детективы уже разошлись по домам.

– Ничего страшного, – Тайка плюхнулась на стул. – Так что там за интересное дело?

«И почему вы не хотите расследовать его сами?» – мысленно добавила я.

– Вот такая ситуация возникла, – Горбачев потер переносицу и задумчиво уставился куда-то поверх наших голов. – У нашей сотрудницы Ольги Островской есть взрослый сын...

– Насколько взрослый? – сразу же наострила уши Тая.

Вот уж кто беспрерывно прибывает в поисках жениха, просто форменный стыд и срам.

– Ему почти девятнадцать.

Тайка тут же успокоилась, такая молодежь в ее двадцатисемилетние планы не входила.

– Зовут парнишку Славой, очень хороший, ответственный мальчик.

– Что он натворил?

– Нет, он тут совсем ни при чём. У Славы есть девушка, они дружат еще со школы, зовут ее Ирина. Сам я ее не видел, не знаю, но Ольга отзывалась о ней не очень хорошо, вроде бы девушка с какими-то странностями, из неблагополучной семьи, впрочем, большинству мам подруги сыновней не кажутся удачным выбором. Хотя, Ольга не из тех настырных мамаш, которые постоянно лезут в жизнь своего сына и диктуют условия, Слава вполне состоявшаяся, сложившаяся личность. Жаль, вы не застали Ольгу, лучше, как говорится, один раз познакомится. Так вот, Слава подозревает, что Ира могла попасть в какую-то секту, он за нее очень волнуется. Ольга не хочет этим заниматься, говорит, что у этой деви-

цы такое количество тараканов в голове, что лишний существенной роли не сыграет. Слава попросил меня выяснить, в чем дело, но у меня сейчас два дела в разработке, третье близится к завершению, у меня просто физически нет ни времени, ни сил. Но и оставить Славу без помощи я не могу, он очень переживает. Не думаю, что это дело может оказаться сложным, поэтому и обращаюсь к вам, девочки. В деле я вас уже видал и у меня нет ни малейших сомнений, вы в два счета разъясните эту ситуацию. Может быть и нет повода для беспокойства, у девушки вполне мог появиться другой молодой человек, поэтому она так отдалилась от Славы и они практически перестали общаться.

Мне прямо грустно стало. Вот тебе и интересное дело: какой-то Слава с какой-то явно придурочной Ирой, секта – еще чего не хватало!

– Вы знаете, – без энтузиазма начала Тайка, ей, по всей вероятности, тоже не пришлось по душе это предложение, – мы довольно слабо соображаем в религии, а еще слабее в сектах.

– Если девушка попала в такую ситуацию, – подхватила я, – то здесь, скорее всего, понадобится помощь психолога, насколько я знаю, из сект не так-то просто выбраться, людей так обрабатывают, что они отдают все свое имущество, отрекаются от семьи. Чтобы человека избавить от секты, необходимо сильнейшее психологическое воздействие, профессиональное причем. Мы-то чем сможем тут помочь?

– Я хочу, чтобы вы выяснили, в чем тут дело, возможно и нет никакой секты, но хотелось бы это исключить. Еще раз повторюсь – дело простое, займет-то всего пару дней, а вы меня очень выручите. Девочки, милые, если б у меня было хоть немного времени, я бы сам все выяснил, но даже если я стану работать еще и по ночам, все равно не успею.

Выглядел Горбачев и впрямь сильно уставшим, и мое человеколюбие моментально проснулось. И действительно, чего мы уперлись? Неужели трудно выручить хорошего человека?

– И знаете еще что, – продолжала печально нудить Тая, – меня с работы уволили, теперь надо срочно искать другое место...

– Таечка, – вздохнул Михаил Сергеевич, – разумеется, всё не бесплатно, гонорар вам будет начислен агентством. Конечно, это не такая большая сумма, как если бы вас нанимало частное лицо.

– И какова сумма? – насторожилась моя продажная подруга.

– В зависимости от проделанной работы, – развел руками Горбачев. – Хотя, думаю, максимумом будет пятьсот долларов.

Что ж, не густо, но и не пусто.

– Мы согласны, – кивнула я, а Тайка возмущенно уставилась в мою сторону.

Если она откажется, я проведу все расследование само-

стоятельно, и Горбачева выручу, и материал для статьи соберу, вдруг и в самом деле что-нибудь интересное накопаю, а то совсем скоро с ума сойду от всех этих оборотней. Да и еще навру Конякину с три короба, что нам поручили дело невиданной сложности и секретности, так что на работу мне ходить будет совершенно некогда, пускай сидит и ждет сенсационного репортажа.

– Скажите, у вас есть хоть что-нибудь? Хоть какая-то информация нам в помощь? – с видом матерого детектива осведомилась я.

– Кое-что имеется, – он выдвинул ящик стола и извлек большой белый конверт. – Вот, это Слава и Ирина.

Я взяла фотографию, любопытная Тайка пододвинулась поближе, желая рассмотреть изображение. В каком-то парке у фонтана стояла парочка: высокий, худенький, симпатичный брюнет с открытой улыбкой хорошего человека. За плечи он обнимал девушку среднего роста и довольно-таки плотного телосложения, одетую в синие джинсы и черную майку. У Иры оказались пышные блондинистые волосы до плеч и напряженное лицо с тяжеловатыми чертами. Насколько можно было судить по ее взгляду, по всему ее внешнему виду, характер у девицы еще тот, хотя, я могла и ошибаться, много ли скажешь о человеке, увидав его один раз, да и то на фото.

– Вот координаты Островских, обязательно поговорите со Славой, он посвятит вас подробнее в курс дела. Это, на вся-

кий случай, координаты Ирины. А вот это, – передо мной оказался листок с одной единственной карандашной строчкой, – Слава пару раз услышал от Иры, отчего и сделал вывод, что девушка попала в секту.

Надпись гласила: «Мой дух велик, моя плоть ничтожна». Тоже мне новости с Парижу...

– И это всё? – тусклым голосом поинтересовалась Тая.

– К сожалению, да.

– Что ж, – произнесла Таиска таким тоном, что у меня и сомнений не осталось, стоит нам только выйти из «Фараона», как меня ожидает неминуемая расправа. – При таком количестве ценной информации мы навряд ли справимся за пару дней.

– Разве ж я вас тороплю? Главное, начните поскорее, кто знает, вдруг дело действительно серьезное. Хорошо если все обойдется, будем на это надеяться.

– Да уж... – кисла Тая. – Ладно, мы пошли расследовать.

Она сложила все «ценные материалы» обратно в конверт.

– Спасибо, девочки, большое вам спасибо, – Михаил Сергеевич встал из-за стола и отправился нас провожать, – я ваш должник.

– Погодите, – встала в дверях Тая, – а средства на текущие расходы?

– Сегодня уже бухгалтерия закрыта, приезжайте завтра с утра, я все улажу.

– Хорошо. До свидания.

– Всего доброго.

Как только мы оказались на улице, сразу же началось:

– Ну, спасибо, Сена, удружила!

– В чем дело? Разве не тебе позвонил Горбачев? Разве не ты помчалась сюда, сломя голову? «Интересно, интересно»! Что, уже не интересно стало?

– Кто бы мог подумать, что нам такую ерундовину поручат! – кипятилась подруга. – Следить за подружкой какого-то пацана! Или она ему изменяет, или в секту попала или вообще у нее мозги не на месте! Вот ведь замечательно как!

– Мы уже согласились, чего теперь-то голосить попусту?

– Это ты согласилась, ты, а не я! Я – против! Не хочу заниматься такой чепухой!

– Тая, – я взяла ее за руку и потащила к метро, подальше от здания агентства, не дай бог еще Горбачев из окна все это услышит, – ты не могла бы прекратить орать на всю улицу и ненадолго включить мозги? Ты что думаешь, нам, таким великим детективам с такой громадной практикой должны были сразу поручить расследование теракта на Дубровке? Мы вообще кто такие, помнишь? Безработный экономист и желтушный журналист – прямо в рифму получилось. То, что детективное агентство предложило нам расследовать пусть и плевое, но все-таки дело, это случай из ряда вон выходящий. Да нам надо было Горбачеву поклониться и поблагодарить, что он все еще о нас помнит и доверяет. У нас есть уникальная возможность наработать хоть какую-то практи-

ку, кто знает, может, и впрямь со временем перейдем работать в «Фараон», неизвестно, как жизнь сложится. Так что самое время захлопнуть пасть и с усердным рвением взяться за дело.

Моя пламенная, назидательная речь не возымела большого действия, Тайка топталась у входа в метро и тяжелым взглядом сверлила будку с хот-догами.

– Что, – вздохнула я, – хочешь крахмальную сосиску в резиновой булке с кислой горчицей и сладким кетчупом?

– Хочу, – буркнула подруга.

– Давай лучше купим чего-нибудь в магазине у дома, сами приготовим и съедим безбоязненно, а?

– Мне все равно, – отрезала противная Тайка, и быстро потопала в метро.

«Осторожнее!» – хотела крикнуть я, но было поздно. Таюха едва не получила по физиономии стеклянной дверью, и озверела окончательно.

Глава четвертая

Дорога к дому была долгой и ужасной. Я уже даже не пыталась хоть как-то развеселить и утешить Таисью Михайловну. Одной из многочисленных неприятных черт ее невыносимого характера была такая вот особенность: стоило случиться какой-нибудь неприятности, не важно – мелкой или крупной, Тайка тут же принималась «катать снежный ком», припоминая, чего ж такого ужасного выпало ей по судьбе в последние лет десять. Разумеется, минут через пятнадцать такой карусели, подруге, вполне обоснованно, начинало казаться, что она самый последний человек, самым бездарнейшим образом проживший (уже) свою серую жизньюшку. И я ничего не могла с этим поделать, ничего не помогало, – как минимум два дня нытья и рыданий были обеспечены. И вот сейчас она снова хмурилась, куksилась, а я, значит, как гибрид Куклачева с Олегом Поповым должна изо всех сил развлекать и веселить ее персону. Ну да, сейчас прямо. Я, может быть, тоже имею право на душевные страдания, вот сейчас вспомню что-нибудь гадкое из своей жизни и так застрадаю, мало не покажется!

– Сена! Чеховская! Нам переходить, проснись!

Мы вылетели из вагона в самый последний момент. Прибыв на платформу станции Пушкинская, Тая ринулась к дверям подоспевшего поезда и, расталкивая граждан пассажи-

ров, ломанулась к единственным свободным местам. Упав на сидение, она бросила рядом сумку и протрубила:

– Сена! Сюда! Я тебе место заняла! Куда прёте, не видите, тут занято?

– Извините, простите, простите, извините, – проталкивалась я к подруге, наступая на ноги всем подряд. Усевшись, перевела дух под перекрестным огнем ненавидящих взглядов пассажиров, обреченных стоять до самой конечной.

– Слушай, Сена, – ткнула меня в бок локтем Тайка, – дай-ка мне еще раз эту фотографию посмотреть?

– Какую?

– Ну, эта, со Славой и его Ирой, не помню, как там ее зовут.

Я вынула из сумочки конверт и протянула Тае.

– Симпатичный паренек и такая тумбочка рядом, не понимаю я этих мужчин.

– Горбачев говорил же, что они, вроде бы, вместе еще со школы, кто знает, может, тогда она была раскрасавица.

– Если бы я имела такую фигуру, – не слушала Тая, – я бы носила исключительно сарафаны-балахоны, и уж никак бы не обтягивалась джинсами! Да при такой-то фигуре вообще из дома выходить нельзя...

– Тая, уже весь вагон понял, что, имея такую фигуру, ты повесилась бы еще в младенчестве. Тебе зачем фотография понадобилась?

– Да так, приступаю к изучению материала.

Ах, значит, мы уже расследуем? Больше в истерике не бьемся? Ну и чудненько.

На обратной стороне фото обнаружилась надпись: «Июнь, 04».

– Сен, а сейчас какой месяц?

– Девятнадцатое сентября.

– Интересно, она всегда была такая вот, – Тайка постучала ногтем по изображению Ирины, – с такими... э-э-э-э... ярко выраженными проблемами на лице?

– С чего ты взяла, что у нее ярко выраженные проблемы?

– Лето в этом году вообще было из рук вон, а тут, на снимке, прекрасный солнечный денек выдался, что уже повод для хорошего настроения. Теперь представь себя на месте этой Иры. В чудесный тепленький денек ты идешь на прогулку в парк с симпатичным молодым человеком, которого знаешь едва ли не полжизни. Люди с таким лицом и такой улыбкой не могут быть противными нудными гадами, значит, ты идешь гулять с прекрасным во всех отношениях парнем в парк погожим солнечным деньком. Представила?

– И что?

– Стала бы ты фотографироваться с таким вот выражением лица? Даже не лица, а морды! Я даже и понять-то толком не могу, что у нее изображено на портрете: это ни скука, ни недовольство, ни капризность... это вообще не пойми что! А взгляд-то, взгляд каков, тяжелый, исподлобья, страшный какой-то...

– Тай, ты можешь говорить потише? Смотрела я недавно сюжет о какой-то психушке, так вот там подобные лица с похожими взглядами через одного.

Тайка уставилась на меня.

– Ты права Сена! А я все никак не могла подобрать определения! Ты абсолютно права, у нее же на лице написано какое-то психическое отклонение!

– Тая, ты можешь убавить звук? Орешь на весь вагон.

– У меня эмоции, я с ними не справляюсь. Да, помнишь, Горбачев говорил, что мама этого симпампусика говорила...

– Я помню, кто чего говорил.

– Интересно, она всегда была «с приветом» или двинулась в последнее время?

– Позвоним Славе, договоримся о встрече и всё у него выпросим.

Честно признаться, когда я очень сильно хочу есть, мне довольно сложно рассуждать на тему чужих психических отклонений, а есть мне хотелось сильнее некуда. А еще, когда я голодная, я ужасно злая...

– Рязанский проспект, – сообщили динамики.

О, какое счастье, следующая наша! Сразу еды куплю! Много! Так... стоп. На что же я ее куплю? Последние денежные средства потрачены на пивной наперсток в «Констанции»...

– Тая, у тебя деньги есть?

– А что? – она оторвалась от пристального изучения сним-

ка. Кажется, она уже и понюхала, и на зуб попробовала эту несчастную фоту.

– Продуктов питания бы купить.

– Купим, не бойсь. Ты знаешь, я вот еще чего думаю...

– Таюш, – тихонько взвыла я, – давай домой попадем, съедим чего-нибудь, а потом я с наслаждением выслушаю все твои соображения.

Вот ведь человек какой, то ничего делать не заставишь, то остановить невозможно.

– Выхино. Конечная, поезд дальше не идет, просьба освободить вагоны.

Ой, а нам дальше и не надо.

В магазинчике у автобусной остановки затарились продуктами и поспешно запрыгнули в очень кстати подошедшую маршрутку.

– Сейчас домой придем и сразу же позвоню Конякину, отпрошусь на неопределенный срок и заживу припеваючи, – мечтала я, стараясь не смотреть в сторону толстого дядьки с пакетом, сидевшего напротив. Из пакета доносился душевраздирающий аромат курицы гриль. На мою зверски голодную психику это действовало разрушительно.

– Это правильно, это верно, – кивнула Тая, – и работать, и расследовать Ирины завороты, право скажем, чересчур.

– Вот и я о том же. Нет, все-таки в расследованиях есть ощутимая польза – не надо чуть свет вставать, тащиться на работу и выматывать последние нервы.

Интересно, дядя с грилем далеко едет или сойдет скоро? Пока я не сошла с ума от его курицы... очень, очень вкусной горячей курицы... любопытно, она в лаваш завернута или так, просто? Лучше, конечно, когда в лаваш...

– Уважаемый! – крикнула Тайка водителю. – На повороте остановите! Сена, идем, чего ты застыла?

Мы покинули маршрутное такси, а дядя с грилем поехал дальше.

Как только я открыла дверь квартиры, как навстречу вылетел мой драгоценный песик – девяносто четырех килограммовый сенбернар Лаврентий.

– Здравствуй, здравствуй, цыпочка моя, – Тая погладила его красивую расписную мордуленцию, – ну-ка, дай нам пройти.

– Таюш, ты не могла бы вывести его прогуляться? Я такая голодная, просто жуть, как-то слишком уж быстро проскочила кафешная еда. Прогуляешь? А я пока стол накрою.

– Конечно, какие вопросы. – Тая повесила свою сумочку на крючок коридорной вешалки. – Лаврик, одевайся, идем гулять.

Пес радостно бросился к своему ошейнику с поводком.

Закрыв за ними дверь, я направилась на кухню. Выложив на стол пачку макарон, фарш, хлеб, пакет пельменей, кетчуп и майонез, я спешно принялась мастерить макароны по-флотски. Пока кирпичик фарша оттаивал на сковородке, я посмотрела на часы, принесла на кухню телефон и набрала но-

мер родимой редакции, решив поскорее покончить с таким крайне неприятным делом, как общение с Конякиным.

– Да! – гавкнула трубка голосом начальства.

– Станислав Станиславович, это Сена, – зачастила я. – Тут такое вырисовывается! Мне поручили расследование одного крайне интересного дела! Замешана ужасная секта...

– На работу ходить будешь! – отрезал С. С.

– Но послушайте же меня! Это расследование наш шанс повторить грандиозный успех репортажа о «Bella Donna»! Неужели вы...

– У нас номер горит! В следующую пятницу сдавать, а материал еще не весь готов! Твой, между прочим, материал, Сена! На сорок семь, двенадцать и двадцать две строки!

Я скорбно ковыряла ножиком мерзлый фарш, стараясь не разрыдаться.

– Впрочем, – продолжил Конякин, видать, как следует, обдумав перспективы моего нового репортажа, – если сможешь писать быстро, буду отпускать тебя после обеда, расследуй на здоровье. Устраивает?

– Ага... – сдавленно ответила я, кромсая ножом подтаявший фарш. – До свидания.

– До завтра, Сена.

Положив трубку на рычаг, я хотела было порыдать, но пора было ставить воду для макарон.

Вернулись Тая со сладким, и масик тут же ринулся на кухню к своей миске. Пока он шумно утолял жажду, я сняла с

него ошейник и передала подошедшей Тае.

– Сена, ты чего такая архикислая?

– Меня Конякин с работы не отпустил, – я помешала фарш и накрыла его крышкой, убавив газ.

– Как так? А... как же... как же мы будем расследовать?!

– Не кричи, Лаврушу испугаешь. Он выдвинул альтернативу: до обеда я до потери ориентации в пространстве пишу статьи, а после обеда иду расследовать в свое удовольствие.

– Вот маньяк!

– Да я сама виновата, – я принялась вяло крошить луковицу, – давно надо было эти статьи дурацкие написать...

– Сена, за те деньги, что он тебе платит, ты ему вообще ничего не должна!

– Пока, сожалению, альтернативы нет. Нет, я, конечно, могу уйти жить к Владу на квартиру, а свою сдать, но не уверена, что Влад этому сильно обрадуется.

Нет, серьезно, жизнь не удалась. Закипела вода.

– Тай, засыпь макароны, я лук для фарша крошу.

Подруга с хрустом принялась ломать пучки макарон и пихать их в кастрюльку, при этом у нее было такое выражение лица, будто она ломает шею Конякину.

– Нет, ну что это такое, в самом-то деле? – она бросила в воду последний пучок. – Я что, одна этой глупой сектанткой заниматься буду?

Ах, вот оно что, а я уж подумала, что Таечка обо мне распеживалась, а она, как всегда только о собственных ресур-

сах беспокоится.

– Не тревожься, – я высыпала лук в фарш и тщательно перемешала, – я буду писать в поте лица, чтоб аж пар из ушей и искры из ноздрей, а потом сразу же, сломя голову, на раследование, так что не волнуйся, не перетрудишься. Я все сделаю и за тебя, и за себя, и за того дядю!

– Сена, ты меня не так поняла!

– Я тебя прекрасно поняла! Макароны посоли!

– Сена...

– Оставь меня в покое! Я хочу есть, я расстроена, я могу сильно нагрубить! С рукоприкладством!

Таисья благоразумно замолчала и принялась трясти солонкой над булькающими в кастрюльке макаронами.

Ужинали в глубоком молчании. Тая культурно накручивала макароны на вилку, задумчиво жевала и самым элегантным образом отхлебывала чай. Прямо благородная трапеза в аристократическом поместье. Важная прямо вся такая, задумчивая... эгоистка. И чего она такая задумчивая? Уж не замышляет ли чего? От нее всего можно ожидать...

– Сена, не надо на меня так смотреть, а то подавлюсь. Не смотри, кому сказала! От тебя всего можно ожидать!

Нет, ну нормально, да? Всякий раз убеждаюсь, что у нас с Тайкой есть некие «мозговые пейджеры», настроенные на одну волну.

Слопав свою порцию, Тайка удосужилась помыть тарелку и полезла к телефону.

– Ты кому это звонить собираешься?

– Славе.

Сверясь с цифрами, записанными на листочке, она набрала номер и чинно уселась на табурет.

– Алё, здравствуйте, а Славу можно услышать? Нет, это не Ира. Я звоню по поручению Горбачева... ага, спасибо, я жду. – И мне: – Вот, сразу побежала за сыночком, как только услышала, что я от Михал Сергеича, а то устроила тут допрос – кто, да зачем! Ага, да, да, я слушаю, Слава, приветствую, меня зовут Таисия Михайловна, я от Горбачева.

«Таисия Михайловна»! – ой, не могу, держите меня семеро, а то в обморок брякнусь.

Тем временем, Тайка, договорилась со Славой о встрече и повесила трубку.

– Ты чего, будешь из себя великовозрастную матрону изображать?

– А зачем баловать молодежь? Пускай обращается на «вы» и с поясным поклоном. Нет, ну я никак поверить не могу, что тебе не удалось отвертеться от работы в редакции! Неужели действительно ничего нельзя поделатъ?

– Увы, мой юный друг, ровным счетом ничего.

Глава пятая

И наступило трудовое утро, и было оно противнее и беспросветнее всех остальных трудовых утер... утров... всех остальных трудовых дней, ибо уверена я была, что именно это утро трудовым не будет. Что стану я спать сладко и долго, с Лавриком гулять неспешно, завтракать медленно и чинно, а потом, может быть к вечеру, поеду и что-нибудь вальяжно порасследую. Но небеса распорядились иначе, вернее, они распорядились как всегда: в полвосьмого истерика у будильника, немедленно требующий своей законной прогулки пёслер и дикое, непреодолимое желание спать. Прямо смертельное желание. Казалось, стоит только открыть глаза, приподнять с подушки голову и жизнь в тот же миг оборвется.

– Сена, я Лаврушу прогуляю, – пробормотала Тая.

– Спасибо, друг.

Кряхтя, я стала слезать с дивана, отпихивая радостно скачущего масика.

– Лаврик, отойди, ну дай пройти, ну будь человеком... – продолжая дремать на ходу, я поплелась в ванную. – Лаврик, пропусти, упаду ведь, костей не соберу. Иди к Тае, она тебя гулять поведет.

Эти слова произвели магическое действие – сладкий бросился обратно в комнату к Таиске.

Все было плохо в моей жизни: и вода холодная, мокрая,

полотенце какое-то скверное, влажное, и одиноко мне было сверх всякой меры... В стеклянной банке оставалось не больше двух чайных ложек молотого кофе, я решила оставить их до лучших времен и взяла с полочки «Нескафе». Какое утро, такой и кофе. Поставив чайник на плиту, заглянула в холодильник, но ничего жизнеутверждающего не обнаружила. Соорудив скучный бутерброд, принялась завтракать. Мимо протопала в ванную Тая, за нею проскакал Лаврик – все в этом мире пробуждалось к жизни... Пропихнув бутербродец горячим напитком, я принялась собираться в путь-дорогу. Традиционные джинсы, свитерок, все очень важные предметы в сумку, и я была готова к старту.

– Уже уходишь? – выглянула из ванной Тая.

– Ага, – я шнуровала ботинки. – Ты не дашь мне свой мобильник? Конякин не разрешает звонить по нашему телефону в рабочее время.

– Конечно, бери, он в сумке. Как договоримся?

– Как стану заканчивать статью, звякну тебе. Ты где со Славой встречаешься?

– В три на Краснопресненской.

– Чего именно там?

– Не знаю, он спросил, удобно ли мне подъехать туда, я сказала, что удобно.

– Не удобно это нам Тая, не удобно, ни тебе отсюда, ни мне с работы.

– Ну, извиняюсь покорно, у меня не было схемы перед

глазами.

– Ладно, как позвоню, выезжай.

– Замётано.

Дверь ванной захлопнулась. Попрощавшись с Лавриком, я выскочила из квартиры. Время на часах летело стремительно, поэтому я решила ехать на метро, не рискнув возиться со своим стареньким автомобильчиком породы «Запорожец», масти – «тухлый апельсин». К счастью, автобус подошел сразу, и вскоре я была у метро. Стокилометровая очередь к каскам повергла в уныние. Примостившись в хвост, я усиленно вертела головой в поисках пареньков, из-под полы торгующих карточками. Ни одного малыша-спекулянта, как назло! Что за утро такое гадючье, в самом-то деле? Мне ведь именно сейчас ни в коем случае нельзя опаздывать – и номер горит, и Горбачев со своим расследованием, и вообще... нельзя мне опаздывать и все тут! Очередь ползла невыносимо медленно, но рано или поздно все плохое подходит к финалу.

– На пять поездок!

Заполучив заветную картонку, я помчалась к турникетам и, прямо сразу, в раскрытые двери подошедшего поезда.

К издательскому дому «Комета», под одной крышей с коим влачили свое жалкое существование штук пять газеток, включая нашу, я подскочила почти во время, какие-то несчастные пять минут я, думаю, не в счет. Мне хотелось в это верить... Прямо под нашими окнами стоял какой-то

несусветный вишневый Мерседес и вопил сигнализацией на всю округу. Я автоматически отметила, что этой машины раньше тут не замечала, и что звуки эти ужасны. Прыгая через две ступеньки, я взлетела на второй этаж и финишировала у двери с табличкой «Редакция газеты «Непознанный мир» «Офис». Затаив дыхание, приоткрыла дверь и заглянула внутрь. К счастью, Конякин не просматривался на горизонте, да и художника Лёвы Иловайского не виднелось, видимо, явилась я не самой последней. Проскользнув к своему рабочему столу, мигом запустила компьютер и сделала вид, что сижу на боевом посту буквально с пяти часов утра. На мое появление никто не обратил внимания, весь наш доблестный коллектив был озабочен горящим номером. Открыв документ, озаглавленный «тараканы оборотни», я устала на чистый «лист», мощно задумалась и тут же невыносимо захотела чашку кофе. И бутерброд с сыром и ветчиной. Да так сильно захотела, аж уши зачесались. Ну, уж нет, не позволю всяким посторонним факторам окончательно испортить этот и без того поганый день. Все, писать, писать и еще раз писать. Так, кажется взамен тараканов, у меня в планах был сын оборотня... Я испугалась, что Конякин, не дай бог, узнает себя, и решила взять принципиально новую тему. Но сосредоточиться на новой теме было ох как не просто. Через каждые две-три секунды раздавался оглушительный вой автомобильной сигнализации. Наша выпускающая редакторша Тина Олеговна вылезла из-за своего стола и по-

пыталась закрыть окна. Рамы были огромные, а Тина Олеговна маленькая и на помощь ей никто не пришел, потому что задыхаться в наглухо задраенном помещении никому не хотелось. Оставив свои бесплодные попытки, она, зачем-то, задернула занавески и вернулась на место. Я попыталась абстрагироваться от этих ужасно громких и мерзких звуков и сосредоточиться на статье, но это было все равно, что сочинять поэму, когда твой зуб сверлит бормашина.

– Когда же это закончится! – Влад принялся ходить по кабинету взад-вперед и причалил к моему столу. – Представляешь, Сена, это скотство орет беспрерывно! Начинает надрываться даже когда к нему кошка на расстоянии ста метров подходит! Ей богу не вру, мы наблюдали!

– А чья это машина? – попыталась я перекричать вой сигнализации.

– Не знаем. Конякин с Иловайским как раз пошли искать владельца. У меня уже башка раскалывается! Пойдем в буфет кофе поьем, все равно работать невозможно!

Я бросила взгляд на часы.

– Не могу. Мне надо до обеда статью написать.

– Бог в помощь.

Массируя виски, Влад удалился прочь.

Я уставилась на монитор. Видать от отчаяния в голову пришла идея, достойная самого, что ни на есть пристально-го внимания... Это была практически заявка на победу! Я быстренько настучала: «Призраки Красной Площади». И по-

неслось... Я так увлеклась наиправдивейшим рассказом о том, что твориться в ночное время суток на главной площади страны, как на трибуне Мавзолея возникают наши мертвые правители-кровопивцы, что вытворяет любитель детей дедушка Ленин, как на лобном месте призраки казнят призраков, что даже не заметила, как вернулись С. С. с художником. Следом плелся Влад.

– Ну, что? Нашли урода? – бросился к ним навстречу наш дизайнер, корректор и верстальщик Дима.

У нас вообще очень сжатые штаты, каждый пашет за троих, иначе давно бы наша глупая газета вылетела в трубу. Вот разбогатеем, найдем людишек...

– Не нашли! – отрезал Конякин, перекрикивая сигнализацию. – Работаем!

И сразу ко мне:

– Что ты тут пишешь, Сена?

– Вот, – я с гордостью кивнула на «Призраков».

Конякин быстро пробежал глазами мое незаконченное творение. Я ненадолго перестала дышать.

– Вот можешь ведь, когда хочешь! Концовку не испортить!

Ой, я право чуть не померла от радости. Меня такое вдохновение обуяло, что, кажется, я вообще перестала слышать проклятушую сигнализацию. Чего нельзя было сказать об остальном коллективе.

– Работать! Работать! – разорялся Конякин.

– Но ведь невыносимо же! – посмела перечить Тина Оле-

говна. – У меня ничего не получается!

– У Сены получается и у вас у всех получится!

И меня сразу же все возненавидели. Но мне было глубоко наплевать на чувства коллег, статья выходила сказочная. Да если так дела пойдут, я до обеда весь материал накаваю, и буду свободна, как ветерок над морем-океаном.

К половине двенадцатого я поставила красивую точку в последнем предложении своего произведения. Я была счастлива, не смотря на дикий вой сигнализации, а коллектив находился уже на грани нервного срыва. Конякин же крепился, показывая пример невиданного мужества всем остальным. Я сбросила статью на дискету и отправилась в принтерно-факсовый отдел, прежде всего материал должен прочесть наш самодержец, потом уж корректору-верстальщику в руки перейдет.

Когда я вернулась, в нашем офисе (ну никак не привыкну называть эти духотозные кабинеты «офисом») царила неестественная тишина, народ прильнул к окнам и что-то напряженно высматривал. Я положила статью на стол Конякина и присоединилась к публике.

– Что там такое?

– Тс-с-с! – ответил Влад. – Кажется, оно заткнулось.

– Может аккумулятор, наконец-то, сел, – благоговейно прошептал Дима. – Неужто услышал нас Господь...

Надо же, о боженьке вспомнил, а еще на всех углах триндел, что атеист, материалист еще какой-то там «...ист».

– Идите работать, – сказал Конякин, не сводя глаз с авто. Впервые за все время он говорил спокойно, тихо, почти как нормальный человек, видать боялся спугнуть сигнализацию.

На горизонте возникла какая-то тетка. С напряженным вниманием следили мы за траекторией ее движения. Когда стало ясно, что идет она прямо к злополучному мерсу, заволновались все, даже Конякин. С. С. перегнулся через подоконник и крикнул:

– Женщина! Не ходите сюда! Идите другой дорогой!

Тетка ноль внимания, видать не поняла, что это к ней обращаются.

– Женщина! – взвизгнула Тина Олеговна. – Обойдите здание с другой стороны! Это вас касается!

Никакой реакции, топает себе, тётус гадкий, вся в каких-то своих мыслях.

– Же-е-енщина! – наперебой затянул весь наш коллектив, но было поздно. Тетка попала в зону поражения, сигнализация взвизгнула и зашлась в истерике. Бабонька вздрогнула от неожиданности, осторожно обошла авто, будто оно могло взорваться, и скрылась из вида.

– Да что же это такое?! – едва не рыдала Тина Олеговна, судорожно щелкая зажигалкой в попытке прикурить. Курить в офисе Конякин нам не разрешал, но в честь такого праздника решил закрыть глаза на безобразие. – А если этот проклятый драндулет всегда теперь будет стоять здесь?! Вот именно здесь?! Под нашими окнами?!

Глаза С. С. как-то нехорошо побелели, скулы заострились, и мы невольно притихли, ожидая чего-то страшного.

– Не будет это здесь стоять, – слегка зловеще произнес шеф и направился к дверям.

– Куда это он? – забеспокоился Влад.

– Кто ж знать может, – прислушавшись к своим внутренним ощущениям, я поняла, что писать больше не хочется, да и боялась я опоздать на встречу со Славой.

Двери приоткрылись, возник Конякин. В одной руке он нес тарелку салата оливье, в другой стакан воды. Не без удивления уставились мы на свое начальство. Неужто решил перекусить прямо в офисе? Им же самим на это был наложен громадный запрет... и салата много, небось двойная порция... С. С. поставил тарелку на свой стол и вдруг принялся лить в оливье воду. В безмолвии наблюдали мы за процессом. Размешав вилкой полученный состав, он взял тарелку и аккуратно, чтобы не расплескать, понес к окну. Мы поспешили за ним. Хорошенько прицелившись, Конякин перевернул тарелку, вся эта «биомасса» полетела на крышу машины и лягнулась здоровенной отвратной кляксой. Полнейшая, сто процентная иллюзия, будто кого-то основательно стошнило.

– Теперь нас всех убьет хозяин мерса, – вздохнул Влад.

– Пусть докажут сначала, что это вылетело от нас, а не с первого, третьего или четвертого этажа! – отрезал Конякин и аккуратно поправил шторы. – Замучается, балбес, по ре-

дакциям бегать! Народу полно и все с утра уже пьяные!

Впервые за все время нашего сотрудничества, весь коллектив так и лучился любовью к своему начальнику. Конякин же поставил стакан в тарелку и понес посуду обратно в буфет.

– Блин, а он классный дядька, – хмыкнул художник.

– Вот уж никогда бы не подумал, – кивнул Влад. – Надо узнать, когда у него день рождения и подарить что-нибудь памятное. Сена, а чего ты комп выключаешь?

– Я на сегодня свою норму выполнила, теперь побегу на расследование.

– Да? – оживился Влад. – А что на этот раз?

– Пока это военная тайна, но если понадобится твоя помощь, я тебе немедленно сообщу.

Возвращение Конякина публика приветствовала едва ли не овацией, но С. С. сделал вид, что ничего не заметил, да и вообще ничего такого не произошло.

– Чего стоим? Чего не работаем?

– Уже, уже!

Поразительно, но теперь никому сигнализация не помешала приступить к плодотворному процессу творчества. Вот ведь ехидные люди.

– Станислав Станиславович, я статью сделала, можно идти?

– Иди.

– Спасибо! До свидания! – и мысленно: – Дай вам бог здо-

ровья и детишек побольше!

Выскочив в коридор, я извлекла из сумки мобильник и только после посмотрела на часы. Вот здорово, у меня выкраивается не меньше получаса свободного времени, как раз хватит выпить кофейку. По пути к буфету, я набрала свой домашний номер и после первого же сигнала услышала Тайкин голос.

– Все, Тай, я освободилась.

– Ага, я одеваюсь!

– До встречи.

В буфете обедала куча народу, я еле разыскала свободный стул и примостилась со своим кофе. Напиток оказался совсем плохим, но выпила я его с удовольствием, вот что значит приподнятое настроение.

Солнышко на улице припекало совсем по-летнему, хоть осенью солнечные деньки выдались и на том спасибо, побаловала природа напоследок. У метро я поняла, что есть хочется сильно очень и пристроилась в очередь за пирожками-слоями. От нечего делать, я принялась разглядывать окружающий пейзаж. В метрах трех стоял молодой монах, но не с ящиком для пожертвований, а с пачкой листовок. Я невольно заинтересовалась.

– Одну слойку с мясом, одну курицей и сыром.

Получив вожделенные пакетики, я отошла в сторонку и принялась трескать, плюшки, обжигаясь. К монаху то и дело подходили люди, кто-то брал листовку, кто-то отходил с

пустыми руками. Покончив с последней слойкой, я купила бутылочку пепси в соседнем ларьке, сделала пару глотков и стала приближаться к монаху. Все-таки я очень любопытная, да и очень уж хотелось узнать, что он там такое раздает на-родонаселению и где, собственно ящик для пожертвований.

– Возьмите себе, знакомым или родным, – повторял монах, раздавая трехцветные буклеты.

Я взяла один, потом еще один. На всякий случай. Заглавная надпись на буклете гласила: «Центр помощи жертвам нетрадиционных религий». Ух, ты, вот это я удачно за плюшками сходила! Убрав буклеты в сумку, я понеслась в метро.

Глава шестая

Таиска со Славой уже ждали меня на Краснопресненской в центре зала. К счастью у подружки хватило благоразумия не позорить перед Славой ни себя, ни меня – она не стала нудно отчитывать меня за пятиминутное опоздание.

– Здравствуйте, Слава, – улыбнулась я открытой, располагающей к контакту улыбкой, – меня зовут Сена.

– Как? – из-за шума поездов не расслышал Слава.

– Се-на! – прямо в ухо ему рявкнула я.

Слава кивнул и никаких вопросов на тему моего имени задавать не стал. В жизни он выглядел еще симпатичнее, чем на фотографии, только казался каким-то растерянным, что ли.

– Пойдемте куда-нибудь? – предложила Тая. – Здесь поговорить толком не получится.

– Куда пойдем? – спросил Слава.

– Да куда угодно, – пожала плечами Таиска. – Наверху у метро наверняка полно кафешек.

Слава мялся в нерешительности. Чего он такой заторможенный? Кто вообще на самом деле в секте, Ира или он?

– Идемте же! – начала раздражаться Тайка. Она вообще очень быстро раздражается, даже быстрее меня.

Слава покорно поплелся за нами.

Выбрав кафешник посимпатичнее, мы взяли по пиву и

присели за столик.

– Ну, Слава, рассказывай.

Сколько раз повторять этой дуныше, что после такой фразы, человек, как правило, замолкает наглухо, не в силах выдать из себя ни звука, или же принимается скорбно растягивать: «Ну, а чего расска-а-азывать?»

– Ну, а чего рассказывать? – тяжело вздохнул Слава, пристально изучая пластиковый пивной стакан.

– Когда ты заметил, что с Ирой что-то не так? – помогла я.

И Слава уставился на стакан еще пристальнее, видать вспомнить, когда же и что стало с Ирой не так, было еще сложнее.

– Хорошо, – вздохнула Тайка, прикуривая, – ты можешь просто о ней рассказать? Что она за человек, из какой семьи?

– Да семья у нее еще та, – покачал головой Слава, – кошмар, а не семья.

– Алкоголики? – обрадовалась Тайка, что дело сдвинулось с мертвой точки.

– Да я бы не сказал, так, выпивают по праздникам, как все люди. Понимаете, ее родителям никто, кроме их самих и старшей дочери не нужен. Иркиного появления вообще никто не хотел, просто аборт было поздно делать. Старшая Алена в семье прямо царевна: и умница, и красавица, и балетом занимается. Ирке сестрой с самого детства тыкали – какая Алена замечательная и какая ты.

– Свинство, – посочувствовала Тая. – Чем ее родители за-

нимаются?

– Об отце ее я мало помню, вроде он преподаватель в школе, а отчим...

– У нее отчим?

– Да, если не ошибаюсь, он где-то в окружении Лужкова работает, что ли, а мать то ли бывшая актриса, то ли певица, точно не знаю, потому что, сколько я помню Ирку, она нигде не работала.

– Давно ее родители развелись?

– Когда Ире было лет пять. После этого мать ее вообще возненавидела, все твердила, что семья разладилась из-за Иры, что им не нужен был второй ребенок. Даже когда за депутата этого вышла, все равно не успокоилась, все продолжала травить Ирку.

– А сестра что же?

– Сестра ее вообще в упор не видит, будто ее нет совсем.
– Слава глотнул пива и принялся вертеть в пальцах Тайкину зажигалку.

– Когда ты заметил, что с Ирой что-то начало происходить? – попыталась я вырулить на нужную трассу.

– Понимаете, ближе у нее кроме меня, в принципе, больше никого особо-то и нет. Мы со школы дружим, она всегда была довольно замкнутым человеком, никого к себе близко не подпускала.

– А как она подпустила тебя? – встряла Тайка. На лбу у нее читалось: «Как она смогла тебя охмурить, зайчик, я вообще

не понимаю».

– Сначала мы учились в параллельных классах, потом из-за конфликта с классным руководителем, Ира перешла к нам и ее посадили за мою парту.

– Понятно, – вздохнула Тая, пригубив пивка.

– Я знаю ее очень хорошо, – продолжал Слава, терзая Тайкину зажигалку, – Ира ничего никогда от меня не скрывала, а где-то... кажется, весной это началось, она закрылась даже от меня. Пару раз обмолвилась, что у нее появились интересные друзья, я просил познакомиться, она каждый раз уклонялась от прямого ответа.

– А ты не видел этих ее друзей? – поинтересовалась Тая.

– Нет, она даже толком не рассказывала о них. Потом я стал замечать, что она будто бы все глубже и глубже погружается в себя, иногда застывает, глядя в одну точку, и вообще не слышит, что я ей говорю. Я как-то ее спрашиваю: «Ира, о чем ты думаешь?» А она: «О Боге». Я напрягся: «А что ты о нем думаешь?» «О том, как сильно он нас любит, а мы не платим ему взаимностью». Я напрягся сильнее. А она опять: «Ты даже не представляешь, насколько велик наш дух и ничтожна плоть». Я сижу, молчу, не знаю, что сказать, Ирка смотрит в одну точку стеклянными глазами, мне прямо не по себе стало. Я еще ей какой-то вопрос задал, уж не помню какой, а она посмотрела на меня так, будто только что увидела и засобиралась домой, мы во дворе на лавочке сидели. После я ее не видел, наверное, целый месяц, к телефону все

время подходила ее мама или отчим, говорили, что она или учится или ее дома нет. Я не знаю, чему она училась все это время, но на доске почета в институте, – так у нас называется стенд, где вывешивают списки на отчисление, – уже ее фамилия появилась.

– Где вы учитесь? – вела следствие Таисия Михайловна.

– В Бауманке.

– Где? – удивилась я. – Если не ошибаюсь, Бауманка такое... э-э-э техническое учебное заведение?

– Да, девушек у нас действительно очень мало, Ира на нашем курсе вообще одна. Ей было все равно куда поступать, лишь бы мы поступали вместе. За все лето мы увиделись пару раз, не больше и то она выходила на лестничную клетку минут на десять. Однажды мне удалось вытащить ее в парк и то потому, что у нее было день рождение. Как я не пытался ее развлечь, разговорить – всё без толку. Где-то через час она сказала, что ей срочно нужно уходить и все, больше я Иру не видел, она просто перестала со мной общаться.

– Хм-м-м... – задумалась Тая, глядя в свой пустой пивной стакан.

– Вот, вроде бы и все.

– Понятно, – вздохнула я, и полезла в сумку за блокнотом и карандашом. – Запиши нам домашний адрес Иры.

– Хотите с нею поговорить?

– И с нею, и с ее родителями.

– Ну не зна-а-аю, навряд ли у вас что-то получится.

– Ты запиши, дальше уже наше дело.

Он принялся что-то карябать на листочке, а Тая незаметно передвинула свою зажигалку подальше от Славы, поближе к себе.

– Я вам еще нужен?

Тая пристально оглядела его.

– В общем-то, нет.

Я вырвала из блокнота листок и записала свой телефон.

– Возьми на всякий случай, если что-нибудь вспомнишь или узнаешь, сразу звони.

– Угу. До свидания.

– Всего доброго.

Мы проводили взглядами его удаляющуюся спину.

– Нудный какой молодой человек.

– Почему? – удивилась я.

– Да просто так.

– Что ты думаешь обо всем этом?

– Скучота-а-а! – широко зевнула подруга. – Тоска-а-а-а!

Такие истории даже зрителям ток-шоу надоели, и хоть бы что-нибудь изменилось, так нет – одно и то же, аж в сон клонит. Давай как-нибудь культурно откажемся от этого дела, пока не поздно? А то со скуки скопытимся.

– Поздно, мы уже начали. Тая, и очень сильно тебя прошу, прекрати ныть, быстренько закончим с этим делом, возьмем-ся за следующее, более сложное и интересное. Уверена, если мы на такой ерунде не облажаемся, Горбачев обязательно,

всенепрерывно задействует наши силы в чем-нибудь очень, очень, очень интересном.

– Ладно, – махнула крылом Тая, – какие планы на будущее?

– Общение с Ирой или с ее добросердечными чуткими родителями.

– Да, родители у нее, это что-то! Были бы у меня такие предки...

– Таюш, не хочу напоминать, но разве не твои мама с папой давали тебе деньги на квартиру в долг, едва ли не под проценты?

– У них самих была тогда сложная финансовая ситуация.

– Ага, буквально не доедали, не допивали. Это не у них ли было два продуктовых магазина тогда и четыре сейчас?

– Это вполне нормальное западное воспитание. В Америке дети состоятельных родителей со школы начинают работать почтальонами и официантами.

– Но потом, как правило, продолжают работать в компаниях и корпорациях своих папиков. Твои предлагали тебе хотя бы продавщицей, когда ты сидела без денег и без работы?

– Сена, – окрысилась подруга, – что-то я не замечала, чтобы твои родители хоть чем-то в этой жизни тебе помогли! Что они тебе оставили в наследство, перед тем как уехать навсегда за границу? Поганую квартиру в дрянном районе, да гнилой запорожец!

– По крайней мере, они не требовали с меня денег за все это, и мне не надо было годами выплачивать им всю сумму, оставляя себе от зарплаты только на хлеб и воду!

– Ладно, – внезапно остыла Тая, – еще подраться не хватало. Мы с тобой нормальные, самостоятельные люди, все у нас удалось и получилось, значит не такие уж и распоследние у нас родители.

– Вот именно. Давай пока что не будем за глаза судить Ирину семью, мы ведь совсем не знаем ни их, ни саму Иру.

– Где она живет?

Я покосилась на листок.

– На Баррикадной.

– Едем?

– Давай звякнем для начала.

– И чего скажем?

– Узнаем, хотя бы, есть кто-нибудь дома или нет.

Я вынула из сумки Тайкин мобильник и набрала номер Ирины Колесниковой. Гудков через пять, женский голос ответил:

– Слушаю.

Я тут же нажала на отбой.

– Ну? Что?

– Кто-то дома есть, женщина подняла трубку.

– Ира или мама?

– Не имею понятия, может и сестра.

– Едем?

Я посмотрела на часы – ровно пять.

– Давай, тем более, даже ехать не надо, просто перейти со станции на станцию.

Уже в метро Тайка тяжело вздохнула.

– Что еще такое?

– Да вот, думаю.

– О чем?

– Что мы скажем этим Колесниковым? Кстати, как зовут маму? Слава написал?

– Ага, Наталья Николаевна.

– А папу, наверное, звали Александром Сергеевичем.

Перейдя на Баррикадную, мы поднялись на поверхность и оказались нос к носу с громадной сталинской высоткой.

Малую Никитскую, дом двадцать мы искали до посинения. Сначала нас ошибочно направили на Большую Никитскую, там мы шлялись до тех пор, пока Тая не обратила внимания, что на табличках домов что-то не то написано. Нет, касательно Никитской все было прекрасно, но она была какой-то не такой... Догадавшись, в чем дело, мы снова принялись пытаться пройти мимо прохожих. Когда мы, наконец, вырулили на правильную Никитскую, стало потихоньку вечереть, ощущение похолодало.

– Где же этот клятый дом? – ежась в тоненькой трикотажной кофточке, озиравась Тая.

– Если дотемна не отыщем, поедим домой, отложим на завтра.

Хоть на мне и был свитерок потеплее Тайкиного, но поднявшийся некстати ветер, пробирал основательно.

– Жалко будет ни с чем возвращаться, – шмыгнула носом Тая, – потом опять сюда тащиться. Вот радости-то!

Но небеса были к нам благосклонны, дом мы отыскали. Поднявшись на второй этаж, мы остановились у квартиры номер восемь.

– Что мы ей скажем?

– Кому «ей»? – Тайка переминалась с ноги на ногу, и в дверь звонить не торопилась.

– Кому-нибудь, кто откроет. Только, пожалуйста, не говори, что будем действовать по ситуации, давай хоть какую-нибудь схему беседы наметим.

– Сен, ну какая может быть схема? Мы же понятия не имеем, кто нам откроет и как дело повернется. Звони, давай.

– Чего это я?

– Ой, зануда.

Я ткнула пальцем в кнопку, раздалось мелодичное «динь-дон». Спустя полминуты светящийся глазок потемнел:

– Вы к кому?

– Мы к Ирине. – Доложила я. Нет, все-таки, когда я волнуясь, голос у меня становится ужасно противным, надо будет обязательно потренироваться дома, такой визгливый фальцет всю атмосферу способен испортить.

– Иры нет дома.

– Извините, пожалуйста, – вступила Тая, – может, вы хотя

бы дверь нам откроете? Или вы хотите, чтобы вся лестничная площадка знала, зачем именно мы пришли к вам домой?

После непродолжительной паузы дверь приоткрылась сантиметров на тридцать. На пороге стояла высокая, можно сказать, красивая женщина неопределенного возраста в длинном фиолетовом халате. Гладко зачесанные темно-русые волосы, правильные, тонкие черты лица, большие карие глаза с длинными темными ресницами, четко очерченные губы – и все это без малейшего признака косметики. В моей душе проснулась зеленая зависть, приобрела форму жабы и полезла душить.

– Ну? – бесстрастно изрекла женщина. – Я вас слушаю.

– Вы уверены, что Иры нет дома?

Она перевела на меня взгляд.

– Уверена.

– Не знаете, где она может быть?

Она перевела взгляд на Таю.

– Не имею понятия.

– Не хотите спросить, кто мы такие? – рассердилась Тайка.

– Не хочу.

– А мы вам все равно скажем! Наталья Николаевна, если не ошибаюсь? Вижу, что не ошибаюсь! Вам, наверное, и во все невдомек, что твориться с вашей дочерью? Что она, скорее всего, попала под влияние секты? Вы хоть знаете, что такое секта?

Женщина смотрела на Таю безо всякого выражения во

взгляде и на лице.

– Почему посторонних людей заботит то, что происходит с Ирой, а вас, ее семью это вообще не интересует?

– Кажется, вы собирались сказать, кто же вы такие.

Какое хладнокровие, обзавидоваться можно в самом-то деле.

– Мы из детективного агентства «Фараон», – с достоинством отрезала Тая.

– Я не обращалась ни в какое агентство, – пожалала плечами Снежная Королева и сделала такое движение, будто собиралась закрыть дверь.

– Знаете что, – на всякий случай Тая поставила ногу на порог, – если вам настолько наплевать на свою дочь, если она вам настолько не нужна, надо было сразу сдать ее в какой-нибудь детдом или приют для собак, если с детдомом накладно возиться!

– Уберите, пожалуйста, свою ногу.

От такого спокойного, ровного тона становилось не по себе, честное слово. Тайка убрала копытце, и дверь тут же закрылась. Не захлопнулась, а именно мирно закрылась. Мы стояли, как оплеванные. Молча развернулись, молча пошли к лестнице. Между вторым и первым этажом, я остановилась.

– Ты чего?

– Сейчас, ты спускайся, я догоню.

Я вернулась, вынула из сумки блокнот, вырвала листочек,

нацарапала свой телефон, подписалась «Ксения Зорина, детективное агентство «Фараон»», сложила и сунула в дверь Колесниковых. На всякий случай.

У подъезда топталась сумеречная Тайка.

– Ты куда ходила-то?

– Оставила этой дамочке записку.

– Надеюсь, ты описала в достаточно крепких выражениях наше впечатление от встречи?

– Просто оставила ей свой телефон.

– А-а-а-а, – разочарованно прогудела жаждавшая мести подруга. – Слушай, а давай хоть...

– Идем домой, дорогая, – вздохнула я.

Глава седьмая

Прогуливать Лавра отправились вместе. Привычно оглядев округу на предмет других собачников и пешеходов, и, не обнаружив никого подозрительного, я спустила пупсика с поводка, чтобы он, как следует, размялся. По характеру Лаврентий добрейшее и умнейшее существо, обожающее общаться и заводить новые знакомства. Но, к сожалению, очень сложно бывает быстро и доступно объяснить хозяину болонки или просто одинокому прохожему, что этот медведь несется к нему с миролюбивым желанием завести приятное знакомство и немного поиграть, если насмерть перепуганный гражданин, разумеется, не против.

– Тай, что ты думаешь?

– А что я должна думать? – буркнула подруга.

– Как тебе эта дама?

– А тебе?

– Не знаю, – я неторопливо шла, помахивая поводком и наблюдая за сладким, чтобы далеко не убежал. – Мадам, конечно, крайне любопытная, жаль, мало пообщались и в квартиру не попали, хотелось бы посмотреть на интерьер, да и с сестрой, с отчимом не мешало бы познакомиться.

– Вот уж не горю желанием, да и к чему нам ее семья? Не лучше ли отыскать непосредственно Иру и поговорить с нею по душам?

– Где мы ее будем искать?

– В институте, например.

– Слава же сказал, что в институт она не ходит.

– Вдруг зайдет как-нибудь. Можно пообщаться на эту тему с преподавателями или кто там у них главный.

– Декан. На институт я, честно признаться, не особо рассчитываю.

– А на что ты рассчитываешь? Лаврик! Лаврик! Ко мне!

– Ты чего?

– Да вон, там какой-то дядька идет, лучше пристегнуть от греха подальше.

– Лавру-у-уша!

Пёслер радостно подскочил к нам, и я защелкнула карабин на кольце ошейника.

– Может, стоит покарать ее у дома?

– Торчать у подъезда круглосуточно?! – ужаснулась Таика.

– Что ты предлагаешь?

– Надо подумать... – вздохнула подруга. – Пойдем, купим вина?

– Нет! – поспешно выпалила я. – Мне на работу завтра!

Выпивать с Таисией Михайловной – дело опасное. Если она впадает в кураж после первого бокала, то одной бутылкой дело не ограничивается, если же она впадает в грусть-тоску-меланхолию, то одной бутылкой дело не ограничивается однозначно. Вставать в семь утра в состоянии отвратно-

го похмелья, плестись на работу с квадратной головой и безуспешно пытаться родить какую-нибудь статью... и это все после сегодняшнего триумфа? Да ни за что на свете! Чай и спать!

– Сена, ну что такого ужасного в бутылочке Каберне после тяжелого трудового дня? Выпьем по бокальчку и в люльку. Сена, ну пойми же ты, об этом тухлом деле думать можно только под красное вино, иначе мозг не выдаст никакого масштабного решения.

– Можем насвинячиться хотя бы завтра? – приуныла я, видя, как сильно Тая загорелась идеей винопития. – Мне на работу...

– Почему сразу «насвинячиться»? Чего там свинячить-то с одной бутылки?

– Тая, статья...

Но, она меня не слушала, подруга уже тащила нас с Лавриком в соседний двор к магазинчику. Ладно, что уж тут поделать, этот поезд уже не остановить, в конце концов, можно выпить полбокала и пойти спать, а она пусть напивается в свое удовольствие. Я успокоилась, перехватила поводок поудобнее и прогулочным шагом последовала за Таиской.

Нашу пьянчужку мы остались с Лавриком ждать у входа, в магазин с собакинм нельзя, а оставлять его одного, приязанного у дверей мне не хотелось – обидит еще какой-нибудь придурок.

Тайки не было минут двадцать или даже больше, я уже и

волноваться начала. Наконец она возникла на ступеньках с весьма объемным пакетом в руках, и сердце у меня похолодело от нехорошего предчувствия.

– Тай, – откашлялась я, – чего ты купила?

– Да так, – беспечно улыбнулась она, – Каберне не было, поэтому я взяла Пино-фран, Хванчкару и, – она заглянула в пакет, – Ахашени. А еще ветчины, сыра...

– У-у-у-у! – горестно взвыла я. – Сама будешь все это хлебать!

– ...сигарет, хлеба...

– У меня только-только с Конякиным налаживаться стало, а ты хочешь все насмарку пустить!

– ... и банку каперсов.

– Чего? – осеклась я. – Что ты еще купила?

– Банку каперсов, всегда мечтала попробовать, что это за дрянь такая. Дорогие, заразы!

– Чего это так тратишься, а? Ты ж вроде с работы вылетела?

– Еще не вылетела, на днях должна. А, плевать, расчет дадут, потом придумаю что-нибудь.

На всякий случай я не стала напоминать Таиске, что она уже придумала продать свою квартиру и поселиться у меня.

– Идем домой, я замерзла уже, аки цуцик. Лаврик все свои дела сделал?

– Да, все и в больших количествах.

Дома, пока я мыла Лавру ноги и протирала пузо, Тая

вскрывала бутылки и художественно сервировала кухонный столик. Когда я пришла на кухню, меня ожидал пир горой: все порезано, на тарелочки разложено, а змеюка-искусительница осторожно выуживала из маленькой узкой баночки какие-то подозрительные катыши и благоговейно их нюхала.

– Вкусно? – сердито осведомилась я, присаживаясь за стол.

– Своеобразно. Хочешь попробовать?

– Нет.

– Чего мы такие сердитенькие?

– Да ничего, – пожалала я плечами, – просто кое-кто из нас двоих ни во что не ставит интересы другого.

Тая глубоко задумалась, даже приостановила свою деятельность по выгрузению каперсов из банки на блюде.

– М-м-м, – помотала она головой, – можно пояснить?

– Пожалуйста, – я взяла с тарелки ломтик ветчины и отправила в рот. – Ты прекрасно знаешь, какие у меня форсмажорные обстоятельства на работе и, тем не менее, затеваешь пьянство, ничуть не считаясь с моими жизненными ситуациями.

Тая даже приоткрыла рот, глядя на меня.

– Сена, – откашлялась она, – что с тобой?

– Ничего особенного, я просто не хочу вылететь с работы, а после напряженно обдумывать свои перспективы подыхания под забором. Я не хочу продавать свою квартиру и перебираться жить к...

– Да! – воскликнула Тайка. – Ах, да, конечно! А я ведь все мучилась, пытаюсь вспомнить что-то важное! Я же совсем забыла, что выход уже найден! Я же продаю квартиру и переезжаю к тебе!

Я взяла бокал вина и залпом выпила.

И настало утро. И утро было страшным.

– Сена, выключи свой паршивый будильник! – произнесла неподвижная Тая.

Я выполнила ее просьбу, сползла с дивана и тихонечко, по стеночке, отправилась в ванную. Каждый шаг, каждое движение отдавалось в голове колокольным звоном. По-хорошему не мешало бы забраться под душ, но у меня не оставалось времени на такое роскошество. Весь процесс сборов и дороги дальней до любимой работы рисовался в каком-то зыбком, дымном кошмаре. Умывшись и с особой тщательностью отдраив ротовую полость, я поползла на кухню, где царил такой разгром, будто не две интеллигентные девушки культурно пили красные вина, а бесновалась свадьба человек на сто. Разумеется, ничего убирать я не стала, пускай потрудится виновница безобразия. Преодолевая отвращение, напилась чаю, слегка подкрасила, подреставрировала мордашку, по возможности придав себе человеческий облик, и принялась одеваться, стараясь не особо шевелить черепной коробкой. Тайка все так же неподвижно возлежала, накрывшись одеялом с головой и не обращала внимания на потуги Лаврентия расшевелить ее на предмет прогулки. Песик пре-

красно понимал, что от меня такой толку все равно не будет, поэтому направил свои усилия на бесчувственную Таю – он практически целиком залез на диван и пытался стащить с нее одеяло. Обувшись, я распрямилась, подождала, пока в глазах просветлеет и заглянула в комнату.

– Тай, я пошла, ты Лаврика прогуляй и, по возможности, убери свинюшник на кухне, ладно?

Подруга согласно уткнула. Закрыв за собой дверь, я погребла на свежий воздух.

В ожидании автобуса или маршрутного такси со свободным местечком, я стояла, наверное, минут сорок, размышляя над тем, как жизнь тупа и беспросветна. В перспективе мое опоздание на работу, грозило зашкалить за час и даже больше. В отчаянии я заглянула в кошелек и бросилась ловить машину.

В метро я изо всех сил постаралась направить вялое течение своих разрозненных мыслей на благо издательского дела, чтобы ворваться в офис, бросится за компьютер и мигом настучать мощную статью. В висках часто-часто колоутили крошечные молоточки, во рту – сушь раскаленной пустыни, в желудке – печальная тошнота, в душе – отдаленная ненависть к Таисии Михайловне и к самой себе за слабость и неустойчивость к порокам и соблазнам. «Думать, думать, – мысленно заклинала я себя, – думать, кому сказала!» Статью на сорок с копейками строк я сделала вчера, осталось на двадцать две и двенадцать. Я прикрыла глаза, ожидая боже-

ственного света вдохновения... И не заметила, как уснула и проехала свою станцию ко всем чертям собачим.

С опозданием в 1 час 46 минут, я прибыла на рабочее место. В душе я уже числилась безработной, потому и не особо переживала. В офисе Конякина не было, звезды питали ко мне благосклонность. Кивнув сослуживцам, запустила компьютер и устала в монитор усиленно скрипя мозгами.

– Сенка, привет, – причалил к моему столу Влад.

– Угу.

– Ты представляешь, а мерса гадского под окнами больше нет.

– Угу.

– Сена...

– Владик, пожалуйста, будь другом, отвянь, а? Мне срочно статью родить надо, а идей никаких нету.

– Хочешь, подкину? – он присел на край стола.

– Кидай.

– Грибы – это инопланетяне.

– Уже было что-то похожее.

– Переселение душ...

– Было.

– Растения с интеллектом.

– Было. А где Конякин?

– Пошел в бухгалтерию ругаться, нам зарплату должны были сегодня выдавать, а деньги, кажется, не перечислили. Именно нам не перечислили, представляешь, какой поро-

сизм?

– Угу.

– Сен, тебя что, не интересует, что нам задержат зарплату?

– Меня сейчас немного другое интересует.

– У тебя вчера что, вечеринка была?

– Так заметно?

– Еще бы. Чего пили?

– Вино! – простонала я. – Всего-навсего красное вино! У тебя есть жвачка?

– Держи, – он протянул мне «орбит». – Хорошо погуляли?

– Лучше не бывает. Давай еще идеи, а?

Влад сильно призадумался, даже в ухе почесал.

– Все мы с разных планет и по цвету глаз и форме ушей можно определить, с какой кто.

– Годится. Ты названия планет знаешь?

– Приблизительно.

– Напиши мне на бумажке, лады?

– Лады.

Влад отчалил выполнять задание, а я, засучив рукава, принялась за дело. Чем глубже я погружалась в самозабвенное вранье, тем сильнее мне казалось, что я должна была еще что-то сделать... не всё, не всё Конякин перечислил... я должна была написать еще что-то ужасное, отвратительное, ненавистное... В решении этого вопроса мне помогла Тина Олеговна. Не поворачивая головы от своего компьютера, она крикнула:

– Сена, ты гороскоп составила?

Ах, да! Гороскоп! Вот оно. О, как я ненавидела составление гороскопов! Ну, не получалось у меня запомнить названия планет, знаков зодиаков, где какое небесное тело доминирует и фунциклирует. Пробовала записывать – все равно без толку, листочки терялись вмиг. Раньше, до того, как я узнала, что на Земле существует газета «Непознанный мир» и как здорово в ней работать, я, нет-нет, да и почитывала гороскопы в журналах и газетах, порою даже с большим интересом. А теперь... как представлю, что их такой же космонавт-астролог вроде меня сочиняет, всё желание улетучивается, поскорее пролистываю гороскопную страничку, будто она ядовитая.

– Сена, немедленно составляй гороскоп! – разорвалась Тина Олеговна. – У нас из-за него дыра на третьей полосе! Сколько можно ждать? Ты должна была еще на той неделе его сдать!

За что мне это? Почему именно сегодня? Грехи мои тяжкие... Ворвался Конякин и коллектив, приостановив свою деятельность, выжидательно уставился на шефа.

– Сегодня после обеда выдадут, в крайнем случае, завтра! – отрезал он.

У народа посветлели лица, должно быть все одновременно подумали одно и то же: «С таким начальством нам вообще ничего не страшно и ни за что не стыдно!»

– Сена, гороскоп! – рявкнул С. С., проходя мимо моего

стола.

– Уже, уже...

Бросив статью, я открыла новый документ и быстренько наступала: «Скорпион». Дальше надо было изобразить даты, когда именно получаются эти скорпионы, а это было выше моих сил и возможностей. Улучив момент, когда все было страшно занято тем, что сгрудились у стола художника и критиковали его творение, уготованное на первую полосу, я скользнула к угловому стеллажу, забитому экземплярами нашего великого издания, выхватила из первой попавшейся стопки номер за апрель и вернулась за стол. Самым бесовестным образом передрав гороскоп, составленный Владиком, судя по обилию любовных встреч и разлук, я кое-что изменила, что-то убрала, что-то приписала, и получилось восхитительно. Засунув апрельский номер к себе в сумку, я оперативно стала заканчивать статью, сверяясь с названиями планет, указанных Владом. На столе Конякина зазвонил телефон. С. С прекратил терзать останки художника и бросился к аппарату.

– Сена! Это тебя твоя подруга! Говорит, что она из милиции по важному делу!

Я взяла трубку.

– Сен, привет, это товарищ капитан.

– Можешь не стараться, тебя рассекретили.

– Да? Как странно. Слушай, какие новости! Звонила Ирина мама, она хочет, чтобы мы сегодня к ней приехали!

– Да? – почему-то никакой радости я от этого известия не испытала, только голова сильнее заболела. – Зачем, не скажешь?

– Нет, просто сообщила, что нужно с нами поговорить, просила подъехать часикам к трем.

Я бросила взгляд на часы – четверть первого.

– Попробую успеть, встречаемся на Баррикадной в центре зала. С Лавром гуляла?

– А как же.

Повесив трубку, я вернулась на свое рабочее место и, ценю могучего интеллектуального прорыва, довершила статью про цвет ушей инопланетян.

Глава восьмая

В половине третьего я прибыла на Баррикадную. Состояние мое не улучшилось ни на йоту, напротив, отчего-то стало еще хуже: голова разламывалась, желудок тошнился, как озверелый, ко всему вдобавок меня штормило из стороны в сторону. Размышляя о том, что приличного вина уже не купить, все прилавки забиты спиртозной дрянью с ароматизаторами и красителями, я озиралась по сторонам в поисках Тайки. Минут через десять бесплодного ожидания в метрошной толкучке, я начала потихоньку звереть, но совсем озвереть не успела, на ум пришла мысль, что если через пять минут эта гадюка не появится, я просто поеду домой и с огромным удовольствием лягу спать. И всех делов. И стоило было мне утешиться и обрадоваться, как подошел очередной поезд и из вагона выкатилась Тайка с бутылкой пива в руке. Не в пример мне выглядела эта зараза очень даже хорошо, свежо и бодро, что не могло не испортить моего и без того вялого настроения.

– Ты чего так долго? – заскрипела я.

– Да я это, понимаешь ли, – зачатила Тайка, видимо пытаясь придумать какое-нибудь правдоподобное вранье и оправдание своей медлительности и копучести, – я это... в пробку попала.

– Да уж вижу, – я укоризненно посмотрела на пивную бу-

тылку.

– Хочешь?

– Благодарствую, не надо, с меня вчерашнего хватило.

К дому Натальи Николаевны мы уже знали секретные тропы, поэтому отыскивали нужный объект без труда. Набив полные рты жевательной резинки, чтобы хозяйка дома не скончалась прямо на пороге от нашего свежего дыхания, я нажала кнопку звонка. Дверь открылась, как мне показалось, минут через десять после звонка. На этот раз на Снежной Королеве был длинный халат малахитового цвета, хотя называть такое чудесное элегантно одеяние «халатом» как-то неприлично. Дама в зеленом окинула нас крайне прохладным взглядом и посторонилась, что должно было означать приглашение пройти в квартиру.

– Здравствуйте, – сказала Тайка, переступая порог.

– Здравствуйте, – без всякого выражения произнесла Наталья Николаевна.

Оказавшись в темной прихожей, мы разулись, разделись и последовали за молчаливой, как соляной столб дамой. Она привела нас в большущую комнату с должно быть четырехметровыми потолками и старинной мебелью. В таком почти музейном интерьере хозяйка в своем малахитовом облачении смотрелась донельзя эффектно. Присесть нам, разумеется, не предложили, посему мы, малость помявшись, уселись сами на мягкие стулья у круглого стола, покрытого тяжелой вышитой скатертью. Наталья Николаевна осталась

стоять, скрестив руки на груди.

– Вы звали нас? – не выдержала такого теплого приема Тая.

– Да, – как-то нехотя ответила она.

– Зачем? – всячески помогала процессу общения подруга.

– Иры нет дома уже четвертый день.

– В милицию заявляли?

– Нет.

– Почему?

– Видите ли, – она громко хрустнула пальцами, – Игорь Дмитриевич занимает ответственный пост в правительстве Москвы и любая неприятная шумиха вокруг его семьи может навредить всем нам.

Мы устали на нее.

– У вас дочь пропала? – уточнила Тая. – И вы не стали обращаться в милицию, чтобы это не навредило карьере вашего мужа?

– Ира всегда была очень проблемной девочкой, – она смотрела на нас не моргая, как какой-нибудь мифический василиск, – к сожалению, раньше у нас не было достаточных средств для приобретения отдельного жилья для Иры, теперь мы имеем такую возможность. Разумеется, не квартиру, комнату.

Наталья Николаевна замолчала, видать надеясь, что мы самостоятельно дотумкаем, что она хотела этим сказать. Мы же ее мысли читать не собирались, поэтому просто ждали

продолжения.

– Сами понимаете, – опять хруст пальцев. Какая, право, дурная привычка у такой элегантной дамы, – нам не хотелось бы вмешивать в это правоохранительные органы, тем более, скоро выборы.

Причем тут выборы? Право, не понятно.

– Да и мы с Игорем Дмитриевичем уверены, что ничего особенного не произошло, просто в очередной раз Ира демонстрирует свой характер, поэтому мы решили обратиться к вам, раз уж вы из этого... как его...

– Детективного агентства, – подсказала я.

– Ну да. В ваши обязанности ведь входит поиск пропавших людей и все такое?

– Входит, – Тайка недобро, ох недобро смотрела на госпожу Н. Н.

– Посоветовавшись с Игорем Дмитриевичем...

– Две тысячи долларов, – отрезала подруга. – Половина сейчас, остальное после завершения дела.

– Вас устоит в рублях по курсу?

– Устроит!

Госпожа удалилась, оставив нас в одиночестве. Надо же и не побоялась, а вдруг мы потырим все столовое серебро, завернем в расшитую скатерть и выпрыгнем в окно?

– Тая, – шепнула я подруги, – зачем ты берешь деньги?

– Пригодятся на текущие расходы! Не обеднеет, мегерища!

– Тише ты...

Вернулась хозяйка. Положив на стол перед нами пухлый голубой конверт, она спросила, будем ли мы пересчитывать.

– На слово верим, – подруга сунула конверт в сумку. – Мы можем посмотреть Ирину комнату?

– Пожалуйста.

Комнат в квартирке имелось, должно быть, штук семьдесят, по крайней мере, шли мы вслед за идеально ровной зеленой спиной довольно долго. Наконец Наталья Николаевна распахнула перед нами дверь и пред нашими очами предстала Ирина обитель. Вот уж не часто увидишь более безжизненную и в то же время ужасно захламленную комнату. Бледные обои в какой-то мёртвенький цветочек, мебель по минимуму, да такая, словно ее украли из номера гостиницы для гастарбайтеров, бледно-желтые занавески прикрывали давно немытое окно, и повсюду валялись какие-то бумажки, тряпки, шмотки... Мрак одним словом.

– Ирина не допускала к себе домработницу, – кажется, начала оправдываться Н. Н. – Она ничего не хотела менять, ей нравилось так жить.

Мы в прострации таращились по сторонам. Мне как-то перехотелось осматривать эту комнату, да еще запах такой тяжелый, будто это помещение не проветривали со дня постройки дома. Но, делать нечего, назвались детективами, милости просим расследовать. Войдя в логово, мы огляделись. Тайка двумя пальцам приоткрыла дверцу платяного шкафа,

я же направилась к письменному столу у окна. Выдвигая ящики, я не без опаски заглядывала внутрь, боясь, что на меня оттуда кто-нибудь выпрыгнет. Какие-то тетради, скомканные бумажки... Тетрадные страницы пестрели ничего не говорящими мне формулами, чертежами, на бумажках обнаружили карандашные рисунки непонятного смысла, складывалось ощущение, что рисовал трехлетний ребенок, так же имелись огрызки карандашей, сломанные ручки и прочий несимпатичный хлам. Перетряхнув последний самый нижний ящик, я заметила какой-то небольшой прямоугольник у дальней стенки. Это оказалась плотная картонка-иконка, похожая на недорогие образки, продающиеся в каждой церковной лавке. На этой же вместо привычных строгих ликов, изображался какой-то странный синий крест в рамочке из цветочков кислотных окрасок.

– Что там у тебя? – тут же подскочила Тайка, ей уже надоело изображать пристальный интерес к разброзанному повсюду бараклу.

– Вот.

– Интересно...

– Мы можем это забрать? – обратилась я к неподвижной фигуре у дверного косяка.

– Разумеется.

Она даже не поинтересовалась, чего такого мы обнаружили.

Для пущей важности мы еще пошатались по комнате и

засобирались восвояси. Напоследок Н. Н. снабдила нас листочком из блокнота, где были записана куча телефонов, ее собственных и неизвестного нам Игоря Дмитриевича. Распрощались без слез и объятий.

Очутившись на улице, вздохнули с облегчением, шумная вечеряющая Москва показалась такой живой, бодрой, настоящей...

– Ну и кунсткамера, – покачала головой Таиска, вынимая из сумки пухлый голубой конверт и заглядывая внутрь.

– Жуть, леденящая душу, – кивнула я. – Заметила, что в Ириной комнате нет зеркала? Ни одного.

– М-да, для девичьей светлицы, прямо скажем, странно-вато. Надо было еще на комнату сестры взглянуть. Хотя, какой в этом смысл. Нет, ну могила, да?

– Еще какая. Есть не хочешь?

– Очень хочу.

У метро взяли по хот-догу.

– Итак, что у нас есть? – я примеривалась к булке, надеясь откусить аккуратно и не заляпаться кетчупом.

– Тыща долларов, – ответствовала Таюха с набитым ртом.

– Не надо было брать деньги...

– Как это не надо? – возмутилась пожирательница хот-догов. – А чего ради я должна из собственного кармана оплачивать транспортные и всякие другие непредвиденные расходы? Расследование дело очень дорогое, сама знаешь.

– Да, но все-таки я как-то себя неуверенно чувствую, на

самом деле мы же не работаем в «Фараоне», получается, мы незаконно...

– Если бы мы работали в «Фараоне», то запросили бы в десять раз больше, – Тайка метко запустила остаток булки в ближайшую урну. – Чего ты беспокоишься? Мы же не прикарманили эти деньги просто так, мы же реально собираемся провести расследование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.